

Е. В. Прямикова, Н. В. Веселкова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**ОТ КОММУНИКАТИВНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ
К КУЛЬТУРНЫМ ВЕРСИЯМ ПАМЯТИ:
УНИКАЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ**

Интерес школьников к прошлому своей страны, своего поселения формируется усилиями самых разных специалистов, как учителей истории, так и работников школьных музеев. Такие музеи могут сохранять интересные артефакты, а их работники в своих рассказах способны представить значительную часть истории XX века.

Ключевые слова: краеведение, школьный музей, коммуникативная память

В исторической науке можно встретить разные трактовки локальной истории. Нам наиболее близка рассматривающая локальную историю как особое направление — историческое краеведение, целью которого «является обеспечение локальной коммеморации, формирование социальной памяти локуса и обеспечение на этой основе локальной идентичности» [4, с. 9].

Как можно соотнести локальную историю и социальную память населения малого города? Какие аспекты происходящего в таком случае выделяются или заявляются как наиболее важные? Такая локальная память как особый фокус в многообразной истории страны высвечивает наиболее значимые периоды, которые варьируются от города к городу.

Исследуя социальную память малых и средних городов Уральского региона, мы выделили в качестве базовой составляющей индустриальную память. Для многих городов индустриальное — это, как правило, советское прошлое, которое до сих пор олицетворяет наиболее успешный период жизни поселения [2]. Еще одну категорию городов образуют Котельнич и Мариинск, где высвечивается и восхваляется купеческое прошлое. Палеотропа Красноуфимска — яркий пример презентации периода истории даже не человечества, а планеты Земля. В данном случае мы говорим об особенностях меморативного ландшафта города [3].

В ходе исследования памяти малого города мы столкнулись помимо краеведческих с деятельностью довольно большого количества школьных и корпоративных музеев. Специфичны и хранители этой истории — местные краеведы, работники данных типов музеев.

Если краеведческие музеи стремятся формировать свои кадры из специалистов, имеющих соответствующее образование, то для школьного музея самым оптимальным специалистом становится учитель истории. В реальности

музеем могут заниматься учителя литературы, географии, ИЗО, библиотекари и т. п. Тем не менее именно в таких не- или полупрофессиональных локациях можно встретить людей, которые являются не только хранителями иногда крайне ценных артефактов, но и носителями, по Я. Ассману, коммуникативной памяти [1]. Их рассказы о прошлом насыщены как личными переживаниями, так и конкретными деталями, что очень сильно повышает их возможности воздействия на представления школьников. Ср.: *«Здесь же у нас есть фотография одного из братьев Мальковых, которые строили это здание земской управы, его внуки, и... Я видела и общалась с папой Колей, который, вот, является сыном. Так что город небольшой, и многих хорошо знаешь. Именно этими братьями построены многие здания, в том числе и церковь, которая сейчас действующая, у рынка. <...> Затем любимая фотография вот эта. Интервьюер: Почему? Почему? Потому что здесь есть три человека, во-первых, мы их знали, да? Мы их видели живьем. Здесь очень интересны три человека, вот все фамилии есть. <...> Петухов, Данилов и Юрий Версифорыч Полетаев. Юрий Версифорыч учил нас. Данилов был директором школы седьмой»* (Красноуфимск Ж76).

О фотографиях прошлых лет нам рассказывали не раз. Это известные в городе люди, чьи изображения можно встретить в школьных музеях, — заслуженные учителя, директора школ. Ср.: *«Да, Тихонова Валентина Дмитриевна, у нас как раз уклон шел, как раз школа сельскохозяйственная, больше предметов на химию, на биологию... А вот при Блаженко Николай Николаевиче, вот он как раз тоже военный был человек (смеется), участник Великой отечественной войны... Он постоянно водил детей куда-то... До Кунгура даже ходили. От Красноуфимска вот до Кунгура. <...> Вот походы были его, его коньком, и вот он обычно их организовывал. А вот при Салютиной Клавдии Леонидовне был огромный участок. <...> Вот они выращивали кукурузу, вот она больше человеческого роста, вот на старых фотографиях есть. Ну, с каждым что-то человеком связано»* (Красноуфимск Ж59).

Коммуникативная память возникает в непосредственном взаимодействии, повседневной практике, поэтому чаще существует в устной форме и имеет «срок жизни», сравнимый с жизнью одного поколения [1]. Облик людей, живших и работавших в малом городе, зафиксирован в фотографиях, расположенных на различных стендах и планшетах, сопровождается красочными, эмоционально насыщенными рассказами и, к сожалению, довольно редко используется как дополнительный материал при изучении истории.

Коммуникативная память со временем получает символическое, ритуальное оформление и становится частью культурной памяти. Уроки школьной истории, безусловно, относятся к культурной памяти, но они призваны научить «соотносить события истории разных стран и народов с историческими периодами, событиями региональной и мировой истории, событиями истории родного края и истории России» [6]. Экспонаты, которые есть в школьных музеях, также являются частью культурной памяти, могут пред-

ставлять определенную ценность как артефакты, а работники консультируются со специалистами, чтобы уточнить особенности того или иного предмета. Ср.: *«Вот тарелки первых... Кузнецовские заводы, вот... первые, даже знак вот есть. Вот это нам совсем недавно подарили... <...> мы вот это не разобрались, что, видите, то ли рак, то ли... <...> Очень знакома хорошо... с антропологом из Санкт-Петербургской консерватории там... центр, фольклорно-этнографический центр. Я ей фотографии послала»* (Вытегра Ж68).

Как же сегодня соотносятся уроки истории (культурная память), локальная история и коммуникативная память, сохраняющая воспоминания о значительной части XX века? Судя по приведенным ниже цитатам — не очень конструктивно. Ср.: *«И о любви к родине, потому что наши ребяташки очень многие не любят Мариинск, меня это задевает, потому что я тут родился, я тут пригодился, как говорится, а они не любят Мариинск... на эту тему мы с ними разговариваем. Стал я разбираться и оказалось, знаете, они его не знают»* (Мариинск М77); *«Когда наше поколение начало расти, дожило до школьного возраста, вдруг оказалась такая забавная вещь, что пуцинские дети, в связи с вот этой молодостью города, не ассоциируют себя в том числе с историей России. Потому что у нашего города как таковая эта... история начинается в шестидесятых годах. <...> Что история есть в Серпухове, история есть в Коломне, история есть в Москве, в Санкт-Петербурге, а в Пуцино нет. <...> ...для многих пуцинцев, которые выросли именно в городе... комплекс усадьбы Пуцино особо важен, потому что в нашем детстве это единственный фрагмент русской истории, которая нас реально привязывала... к тому, о чем мы читали в учебниках, да. То есть мы видели вот этот особняк, мы видели львов, которые сидели у фонтанов, и тут же, соответственно, все воображение как бы пристегивало нас туда»* (Пуцино Ж42).

Социальная память более эффективно присваивается человеком, когда переходит из отчужденных, часто формальных мест (культурной) памяти на уровень живой коммуникативной памяти. Если мы обращаемся к памяти отдельного индивида, не специализирующегося на изучении истории, то можно сказать, что в его представлениях о том, что происходило раньше в мире, в стране или на конкретной территории, пересекаются различные виды памяти — коммуникативная и культурная, индивидуальная и семейная [1; 7]. Остаточные знания школьного курса истории часто существуют в форме устойчивых стереотипов, никак не связанных с деталями собственной жизни. В наших исследованиях мы выявили очень слабую взаимосвязь между событиями, происходящими в стране, мире и в личной жизни обучающихся. Можно сказать, что они были совершенно не готовы к подобным вопросам [2].

Исследование деятельности музеев малого города, прежде всего школьных, позволяет сделать несколько предварительных выводов.

1. Локальная история, историческое краеведение, уроки истории, деятельность школьного музея (особенно при ярком проявлении коммуникативной памяти) могут существовать совершенно автономно друг от друга. В результате теряется воспитательный потенциал подобного взаимодействия.

2. Наиболее интересные школьные музеи, созданные энтузиастами, просто любителями истории, этнографии, находятся в состоянии крайней неопределенности перед лицом будущего. Далеко не всегда у таких людей есть преемники, способные продолжить эту работу.

Данная статья написана на основе материалов исследовательского проекта «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ), поддержанного Российским научным фондом (грант №21-18-00418, 2021-2023).

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

2. Вандышев М., Веселкова Н., Прямикова Е. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург, 2022.

3. Веселкова Н., Прямикова Е. Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 196—212.

4. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 3—11.

5. Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

6. *Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования* : утв. 31 мая 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16—50.